

НИКОЛАЙ ПЕТРОВ:

В искусстве не бывает чемпионов

Культура. — 2003. — 10-16 апр. — с. 1

— Николай Арнольдович, через три дня у вас юбилей. Знаю, что 14 апреля ознаменуется грандиозным концертом в Большом зале консерватории (БЗК). Наверняка будут всякого рода высокие поздравления, состоящие из превосходных степеней, и все прочие атрибуты юбилея. Но существует ли личная потребность в подведении неких предварительных итогов?

— Конечно, существует. Причем вне зависимости от юбилеев. Я, честно говоря, вообще не понимаю этой магии чисел. После 14 апреля для меня ничего не изменится. Я не чувствую себя шестидесятилетним. Нет у меня этого пресловутого груза прожитых лет. Есть другое. Накопившийся жизненный и творческий опыт. Я терпеть не могу людей, заранее уверенных в том, что они во всем правы. Человек обязан сомневаться. При Советской власти словосочетание "рефлексирующий ин-

теллигент" превратили в ругательство. А каким еще может быть интеллигент? Нет рефлексии — нет творчества. Я, например, совсем недавно окончательно осознал всю гениальность знаменитой строчки:

"... но поражение от победы ты сам не должен отличать." Потому что нет в творчестве ни побед, ни поражений. Есть постоянная самоуглубленная выматывающая работа души. Или холодная ремесленная халтура. Все. И ничего другого. Поэтому я так критически отношусь к тем "гонкам на выживание", в которые превращаются нынешние музыкальные конкурсы. Чемпионы по скорости игры на рояле ничего, кроме сожаления, не вызывают.

Ну да, к шестидесяти годам я достиг того "большого джентльменского набора", на который может надеяться музыкант, пускающийся в творческое плавание. Лауреат международных конкурсов, народный артист СССР, профессор, облада-

тель Госпремии. Конечно, все это в какой-то момент радует, но, поверьте, ничего не меняет. Ни звездного неба над головой, ни нравственного закона в душе. На следующий день надо снова садиться за рояль и продолжать борения с самим собой. Я сыграл три тысячи концертов в пятидесяти странах мира. Играл в сибирских клубах и в Карнеги-холл, где-то рояль был получше, где-то похуже, где-то получалось, где-то не очень, но клянусь, что никогда это не зависело от географии или от того, во фраки или в телогрейки одеты были мои слушатели.

— Интересно, а самый первый свой концерт помните?

— Недавно разбирал мамини бумаги и нашел старую программку. 1950 год, БЗК: "Ученик старшего подготовительного класса ЦМШ Коля Петров исполнит "Шуточку" Кабелевского." А первый гонорар я получил летом 1962 года. Меня, студента консерватории, "назначили"

участвовать в 1-м конкурсе Вана Клиберна в США (тогда на конкурсы назначали). Надо было срочно готовиться, а мой педагог Яков Израилевич Зак отдыхал в Доме творчества в Яун-Дубултах. Минкульт командировал ассистента Зака Михаила Межлумова и меня на два месяца в Ригу. Я каждый день ездил на электричке в Яун-Дубулты, и там Яков Израилевич занимался со мной, а вечером в Риге со мной работал Межлумов. Так серьезно и строго в те времена относились к международным конкурсам. Отношение было ко всему одинаковое, что к спорту, что к музыке: "Мы хотим всем рекордам наши звонкие дать имена." Да, так вот тогда я сыграл свой первый платный концерт в Юрмале, заработал десять рублей.

(Окончание на 13-й стр.)

Фото
Евгения БУРМИСТОВА

В искусстве не бывает чемпионов

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Вот вы критически относитесь к музыкальным конкурсам, а между тем они были и в вашей жизни, было и лауреатство на них...

— Да я не к конкурсам отношусь плохо, а к "мании чемпионства". Отбарабанив произведение в бешеном темпе и не сделать при этом особых ошибок — невелика доблесть. Сейчас появилось много виртуозных пианистов, их темпы нам и не снились, но происходит это, к сожалению, за счет потери души. Вы обратили внимание, что все нынешние "чемпионы" играют похожим звуком? На любые записи узнаю звук Софроницкого, Горовица, Юдиной, Гилельса. А звук "чемпионов" я не различаю. И еще одно: постоянное желание завоевать слушателя не глубоким прочтением произведения, а некоей "кирковщиной". Красиво воздеть руки над роялем, картинно встряхнуть кудрями... Я ничего не имею против Ф.Киркорова, но у него другая профессия. Он поет на эстраде, а мы играем на сцене. Хороший пианист и большой музыкант — совсем не одно и то же. Хороших пианистов все больше, больших музыкантов все меньше. Вообще, пренебрежение звуком — страшная опасность для современного пианизма. Здесь, кроме всего прочего, присутствуют магия и мистика. Ну вот, казалось бы, рояль — вполне понятная деревянно-металлическая конструкция. Но у одного музыканта он поет, а у другого визжит. Вы знаете почему? Я, например, не знаю. Точно знаю, что рояль не терпит хамства, ненавидит тычок. С клавишами надо обращаться деликатно, как с человеческой кожей. А сколько открытий чудных сулит умение пользоваться педалью... Был такой гениальный настройщик Г.Богино, он сконструировал прибор, который регистрировал силу нажатия педали. Знаю, что он исследовал работу с педалью Рихтера, Гилельса. Куда эти исследования делись после смерти Г.Богино, мне неизвестно.

Но, кажется, я увлекся. Вы ведь, судя по всему, не собираетесь учиться играть на рояле.

— Я-то не собираюсь, но у вас как профессора Московской консерватории есть студенты...

— Верно, есть. Но и в этом, как, впрочем, во всем, имеется своя драма. Долгие годы я существовал вне своей алыма матер. Вел жизнь активно концертирующего пианиста и ни о какой преподавательской деятельности не думал. В самом начале 90-х меня неожиданно пригласил тогдашний ректор консерватории и предложил поработать со студентами. Будучи по натуре человеком увлекающимся, я наговорил ему массу всяких слов по поводу того, какой должна быть современная консерватория, он понимающе кивал, но дальше разговоров дело не пошло, реформы не состоялись, более того, дела в консерватории шли все хуже и хуже. Я в каком-то интервью неосторожно высказался на сей предмет и очень быстро оказался неугодным профессором. Говорят, доходило до того, что в приемной комиссии не рекомендовали студентам меня как профессора. Но это дела прошлые. С нынешним ректором отношения прекрасные, считаю его человеком, весьма достойным и действительно стремящимся работать на благо консерватории.

Я сам выбираю своих студентов, их у меня совсем немного, в большинстве своем это весьма одаренные люди, и всех их я искренно люблю. Но не могу сказать, что педагогическая деятельность приносит мне полное удовлетворение. Думаю, что существуют две причины. Одна, как и следовало ожидать, во мне. Невозможно одновременно быть востребованным исполнителем и полноценным преподавателем. Я понимаю это, поверьте, честно стремлюсь свести к минимуму неизбежные издержки и надеюсь, что у меня кое-что получается. Другая причина сводится к тому, что я не учу "на чемпионов". То есть учу тому, чему меня самого учил мой Учитель: звуку, пониманию предмета. А ребяташкам, увы, хочется в "чемпионы". Да я никоим образом из них и не осуждаю. Всех при желании можно понять. Но я не умею помогать им в этом. Интриговать в конкурсных жюри, пробивать путь к лауреатским медалям. Я и свои-то дела никогда особенно не умел устраивать, числился всегда в людях неудобных, конфликтных. Не промучу я и не имиджмейкер, да, собственно, никогда и не стремился к ов-

ладению этими специальностями. Как замечательно сказал Н.Акимов: "Очень скучно самому себе класть подарки под подушку". Конечно, обидно за тех, кто тебя предал. Но, увы, ничего принципиально нового не происходит. Кто-то остроумно заметил, что самым счастливым педагогом был Иисус Христос, потому что его предал только один ученик.

— Николай Арнольдович, а если совсем уж честно, не завидуете нынешним молодым музыкантам? Столько свободы, столько возможностей, которых было лишено ваше поколение...

— И да и нет. Конечно, много сил и времени было растрчено на дурацкую борьбу с фокс-концертом, грабившим музыкантов, мешавшим вести нормальную гастрольную жизнь, "перекрывавшим кислород", ломавшим судьбы. Но что такое фокс-концерт — винтик в машине советской бюрократии. А что, разве ученых, писателей, да кого угодно, ломали меньше, чем музыкантов? То время, надеюсь, закончилось навсегда, и мне скучно сводить с ним счеты. Но, с другой стороны, я вовсе не уверен, что сейчас оказался бы более востребован и успешен, чем тогда. Мне, например, кажется, что во времена моей молодости уровень таланта и качество исполнения играли для успеха куда большую роль, чем сейчас. Боюсь, что сегодня гораздо важнее состоять, как говорят, в "правильной тусовке". А я вот не тусуюсь, мне скучно это, живу затворником на даче и на рояле играю, так что шансы на успех резко сокращаются. Вообще, время такое, когда исключение возводится в правило, а в таких случаях всегда начинается игра без правил. А мне, извините, еще бабушка покойная в детстве внушала, что люди нашего круга прежде всего порядочны, а порядочный человек — это всегда человек с правилами. То, что внушают в детстве, запоминаешь на всю жизнь. Вот я и запомнил. Осмелюсь предположить, что сегодняшние чемпионы и победители жизни и слов-то таких отродясь не слыживали. От беспардонности и вседозволенности, простите за натурализм, иногда просто тошнит. Вот, скажем, Большой зал консерватории для меня смолodu — место абсолютно святое, как артисты говорят,

намоленное место. Каждое свое выступление там воспринимаю как честь, как исповедь, и волнуясь всякий раз почти как впервые. Ну и что же? Нынче любой может купить этот зал на вечер за пять тысяч долларов и выделывать там все, что придет в голову. Может играть на рихтеровском и гилельсовском рояле, фальшивя через ноту, может петь козлетоном, объявляя себя прямым преемником Шаляпина. У вас такая торговля БЗК не вызывает ассоциаций с первой древнейшей профессией? А вот у меня вызывает. И примерам таким нет числа, места в газете не хватит их перечислять.

— Вот видите, все-таки ваш знаменитый общественный темперамент пробивается. Несколько лет назад вы числились среди наиболее общественно активных деятелей культуры, этаких возмутителей спокойствия. В последние годы как-то успокоились, притихли...

— Думаю, что период моей общественной активности закончился. Признаться честно, что остался у меня от всего этого осадок горький и большое разочарование. Этим моим, как вы его называли "общественным темпераментом" так много пользовались разные, мягко говоря, не самые лучшие люди, что его уже почти не осталось. Сначала умело провоцировали на нужные им слова и поступки, а потом легко предавали. Надоело быть глупым Данко, ведущим за собой толпу циничных и продажных людей. Это иссушает душу, портит характер и, в конце концов, начинает мешать творчеству. Баста, с этим закончено. Сохраняю только одну общественную позицию — члена Совета по культуре и искусству при Президенте РФ. Мне нравится в Путине то, что он умеет хорошо слушать и точно реагировать на услышанное.

— Кстати, о творчестве. Три тысячи концертов впечатляют. Как складывалась ваша концертная жизнь?

— Всяко, но, думаю, что в основном успешно. Начинать я довольно резко. Сравнительно рано стал лауреатом двух весьма авторитетных международных конкурсов, в те времена — обязательное условие для получения входного билета в музы-

кальный бомонд. Если считать, что в молодости все мы являемся письмами, отправленными в мир, то лауреатство — марка, которую надо наклеить на конверт, чтобы письмо дошло. И сейчас вроде бы так, но не совсем. Впрочем, тут есть тема для отдельного большого разговора, и я не хотел бы обсуждать это вскользь. Не могу сказать, что все получалось легко и просто. Я никогда не относился к категории героев-любовников публики. Мне никогда ничего не прощали: ни случайных ошибок, ни возрастного радикализма. Публику приходилось завоевывать, но зато, когда пять лет назад во время юбилейного концерта я вышел на сцену БЗК и весь зал стоя приветствовал меня, признаюсь, был тронут до слез. Хотя к этому времени я уже пережил "stand ovation" в Карнеги-холл и других крупнейших залах мира. Все-таки для русского музыканта БЗК — всегда БЗК, а наша публика самая главная.

Где-то в конце семидесятых по причинам, которые сейчас можно было бы назвать и политическими, мне на долгие пять лет резко "перекрыли кислород". Запретили любые зарубежные гастроли, вычеркнули практически из прессы, не только рецензий на мои концерты не писали, но даже любое упоминание моего имени вымарывалось. Тяжелое, конечно, было время, но, как справедливо сказал М.Ростропович: "Я не считаю наказанием работу на Родине". Объездил тогда СССР вдоль и поперек. Кроме всего прочего, познакомился и подружился со множеством замечательных людей из самых разных сфер нашей жизни. В возможностях путешествовать, видеть разные места и разных людей есть особая прелесть трудной и совсем некомфортабельной гастрольной жизни. К концертной деятельности своей относился весьма строго. Скажем, практически никогда не соглашался играть концерт на пианино.

— Почему?

— Да нельзя этого делать. Как нельзя хирургу оперировать хотя бы и острейшим кухонным ножом. Другой инструмент, другие возможности, есть в этом профанация, неуважение к музыке и к себе. Впрочем, неправда, дважды все-таки играл. Од-

нажды в Иркутском музыкально-педагогическом институте. Толпа студентов, они ждали меня, глаза горят. Утешу себя тем, что это скорее был даже не концерт, а импровизированный мастер-класс. А второй раз в крошечном и фантастически красивом канадском городке Музджоу (Лосиная челюсть). Во-первых, пианино было абсолютно изумительным, а во-вторых, там же и на нем же играл Артур Рубинштейн. Меня это убедило.

Никогда я не участвовал во всякого рода концертных "чесах", в каких-нибудь там "днях печати".

— А это еще что такое?

— А это, друг мой, когда артист прилетал в какой-нибудь дальний город, в аэропорту его встречал сметливый директор местной филармонии, ставил на командировку печать, выплачивал гонорар и сажал на ближайший рейс обратно в Москву. А в это время совсем за другие деньги в зале филармонии "чесал" какой-нибудь левый цыганский ансамбль. И такие, с позволения сказать, формы концертной деятельности практиковались во времена хваленной советской культурной политики.

— А как сейчас идут ваши концертные дела?

— Замечательно. Постоянно готовлю новые программы, очень много гастролирую и за рубежом, и у нас. Наш слушатель стал даже лучше, чем был раньше. Появилась какая-то обостренная чувствость к музыке, на концертах множество молодых умных лиц, аншлаги, люди лишние билеты спрашивают. Это внушает тот самый оптимизм, которого так не хватает в остальных сферах жизни.

— Все это так. Но через три дня шестьдесят. Пенсию-то оформлять будете?

— А как же, обязательно! Более того, все льготы и надбавки, которые мне, как народному артисту, полагаются, обязательно выбью. Сорок лет меня государство грабило, хватит. А уж как дальше пенсией распорядиться — мое дело. Может быть, студентам своим на дополнительные стипендии отдам. А может, не дай Бог, сам на нее жить буду.

Беседу вел
Юрий БЕЛЯВСКИЙ